

ВАЛЕНТИНА АПРЕСЯН

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва

e-mail: valentina.apresjan@gmail.com

ORCID 0000-0002-5140-3745

АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЕВ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

e-mail: shmelev.alexei@gmail.com

ORCID 0000-0002-5019-1525

ГЛАГОЛЫ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТАКТА: МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СДВИГИ¹

VERBS OF PHYSICAL CONTACT: ARGUMENT STRUCTURE AND SEMANTIC SHIFTS

ABSTRACT: The paper is a corpus study of semantic shifts that arise with different morphosyntactic expressions of semantic arguments (possessor and part) in Russian verbs of physical contact, such as *celovat* ‘to kiss’, *obnimat* ‘to hug’, *gladit* ‘to stroke’, etc. Different syntactic patterns are possible: expression of the possessor by an accusative with optional part expression (‘kissing her (on the lips)’), ‘stroking a child (on the head)’); construction with a possessive pronoun or genitive (‘kissing her hands’, ‘kissing the hands of the wife’), as well as benefactive construction with dative (‘kissing she.DAT hands’, ‘stroking she.DAT back’). We demonstrate what semantic shifts are associated with different patterns and constructions, and how the preferred morphosyntactic expression correlates with semantics and pragmatics of different verbs.

¹ Описание моделей управления отдельных глаголов на основе корпусного исследования осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00 650 «Семантические категории в грамматическом строе русского языка»), описание связи семантики глагола и конструкционных предпочтений осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00291 «Подготовка четвертого выпуска *Активного словаря русского языка*»).

KEYWORDS: semantic valency, syntactic valency, possessor, part, construction

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: валентность, синтаксическая валентность, посессор, часть, конструкция

SŁOWA KLUCZOWE: walencja, walencja składniowa, posessor, część, konstrukcja

Предварительные замечания

В работе рассматриваются семантические эффекты, которые возникают при различном выражении валентности объекта у глаголов физического контакта (*по*)целовать, обнять/обнимать, (*по*)гладить, бить, ударить / ударять, (*по*)хлопать, (*по*)трогать, (*по*)держатъ и др., а также объясняется выбор предпочтительных и возможных моделей управления у глаголов этой группы в зависимости от их семантических и прагматических свойств. Сразу можно сформулировать основной тезис: наряду с некоторыми общими закономерностями, многие из рассматриваемых глаголов обладают идиосинкратическими особенностями, которые необходимо учитывать при создании лексикографических портретов этих глаголов.

Проведем некоторые терминологические уточнения. Глаголы физического контакта могут быть направлены на одушевленный или неодушевленный объект. Когда мы имеем дело с неодушевленным объектом, контакт может возникать с какой-то его частью, причем и объекту, и его части могут соответствовать свои синтаксические валентности (напр., в конструкции *держал лопату за рукоятку* словоформа *лопату* соответствует валентности объекта, а *рукоятку* – валентности его части). Когда мы имеем дело с одушевленным объектом, непосредственным объектом, с которым возникает контакт, может быть какая-то часть его тела или какая-то его принадлежность (напр., предмет одежды). Сам объект в этом случае выступает в роли посессора. И части, и посессору также может соответствовать своя синтаксическая валентность (напр., в конструкции *держал Петю за руку* словоформа *Петю* соответствует валентности посессора, а *руку* – валентности части)². В номенклатуре семантических ролей, предлагаемой в работе (Апресян 2010), соответствующие семантические роли называются Пациенс и Пациенс! («то в Пациенсе, что непосредственно подвергается

² Ср. принадлежащее Б.Л. Иомдину толкование лексемы *держатъ* 1.2 в *Активном словаре русского языка* (Апресян 2017), не проводящее различий между одушевленными и неодушевленными объектами: ‘Человек А1, обхватив рукой часть А3 объекта А2, делает так, чтобы А3 не мог переместиться или утратить контакт с А1’.

данному действию или воздействию»: *бить кого-л. по спине, брать ребенка за руку, держать кого-л. под руку*), вне зависимости от того, является ли пациенс одушевленным или неодушевленным. Для наших целей, однако, различие между одушевленным и неодушевленным объектом существенно, поскольку оно влияет на выбор модели управления.

Конструкции с одушевленным и неодушевленным объектом могут совмещаться, и тогда происходит умножение элементов ситуации. Так, во фразе *Прикоснулась к краю одежды Его*, имеется указание на непосредственный объект (*край*), объект (*одежда*) и посессор (*Он*, т. е. Иисус). Такого рода совмещение возможно, когда в роли объекта выступает предмет одежды (ср. *целовать край ее платья*). Реже оно встречается с обозначением частей тела, напр.: *Коля держал ее руку за кисть*. [Рувим Фраерман] с указанием на непосредственный объект (*кисть*), объект (*рука*) и посессор (*она*). Однако для простоты мы не будем рассматривать случаи такого совмещения и ограничимся двумя типами конструкций: конструкциями с неодушевленным объектом (с валентностью объекта и его части) и конструкциями с одушевленным объектом (с валентностями посессора и его части)³.

Кроме того, мы не будем рассматривать конструкции с непереходными глаголами, такими, как *коснуться/касаться чего-л., (при)коснуться к чему-л., дотронуться/дотрагиваться до чего-л.* и т. д. Тем самым фраза *Прикоснулась к краю одежды Его* была бы выведена из рассмотрения в любом случае.

Вариативность моделей управления глаголов физического контакта

Подлежащие рассмотрению глаголы физического контакта позволяют четыре разные модели управления:

- (1) выражение валентности части аккумулятивом при обозначении посессора притяжательным местоимением или генитивом (*целовать ее руки, целовать руки жены*),
- (2) выражение валентности части аккумулятивом при обозначении посессора предложно-падежной группой $y+N_{Gen}$ (*целовать у нее руки*)⁴,
- (3) вынесение посессора в дативную конструкцию, с выражением части аккумулятивом (*целовать ей руки, гладить ей спине*),

³ Наряду с указанными валентностями, все глаголы физического контакта имеют валентность субъекта, и многие из них – валентность инструмента (*ударить лошадь кнутом по спине*).

⁴ Эта модель управления в настоящее время устаревает (Nomachi 2020).

- (4) обозначение посессора аккузативом при факультативном выражении части: *целовать ее (в губы), обнять его (за плечи)*.

Возможно различное теоретическое осмысление указанной синтаксической вариативности. В книге (Апресян 1967, с. 159–160) использовалось понятие «семантический комплекс», т. е. пара словоформ, непосредственно связанных с глаголом и допускающих преобразование, при котором одна из этих двух словоформ превращается в определение к другой (при этом вторая словоформа может занять синтаксическую позицию, которая первоначально была у первой). Иначе говоря, в качестве исходных рассматривались конструкции с соподчинением, в которых глагол подчиняет себе две независимые составляющие, выражающие валентности посессора и части (*целовать ей руки, гладить ей спину, целовать ее в губы, обнять его за плечи*). Эти конструкции выражают идею уточнения. Конструкции с последовательным подчинением, в которых глагол подчиняет себе именную группу, выражающую валентность части, которая, в свою очередь, подчиняет себе группу, выражающую роль посессора (*целовать ее руки, гладить ее спину, целовать ее губы, обнять его плечи*) осмыслялись как результат синтаксического преобразования.

В книге (Апресян 1974, с. 153–154) это же явление было описано как «расщепление валентностей»: единой семантической валентности объекта соответствуют две синтаксических валентности. При такой интерпретации исходной оказывается конструкция с последовательным подчинением, без расщепления. Дальнейшее развитие описание этого явления получает в работе (Апресян 2010, с. 353–354). В ней исходной, основной тоже считается конструкция с последовательным подчинением, а относительно конструкции с соподчинением говорится, что переподчинение в ней можно описывать как промежуточную стадию между расщеплением и смещением актанта, но при этом в дальнейшем используется выражение «смещение актанта»⁵.

В данной работе мы придерживаемся семантического подхода, принятого в работах (Апресян 1974, 1995, 2010 и др.), а также в грамматике конструкций (Goldberg 1995, 2006 и др.), согласно которому каждая из конструкций имеет свою семантику, которая может в разной степени сочетаться с семантикой глагола и давать определенный семантический сдвиг исходного значения

⁵ Любопытно, что в тезисах, представленных на совещание по категории притяжательности, Ю.Д. Апресян, напротив того, указывал, что в конструкциях с соподчинением мы имеем дело с двумя семантическими валентностями, так что никакого «расщепления» или «смещения» валентностей нет. Ср.: «В конструкциях типа *гладить [X] кого-л. [Z] по волосам [Y] <...>*, где Z оформлен винительным падежом, смещенного дополнения нет. Глагол X в таких конструкциях имеет семантическую валентность и на объект воздействия в целом (Z), и на непосредственно «страдающую» его часть» (Апресян 1983, с. 6).

глагола. Таким образом, здесь мы не будем вдаваться в теоретические проблемы синтаксиса, а сосредоточимся на идиосинкратических семантическо-синтаксических свойствах отдельных глаголов физического контакта, которые заслуживают лексикографической фиксации. Как показывает корпусное исследование, каждая из возможных моделей управления представляет собой конструкцию с предпочтительным лексическим заполнением.

Разные глаголы физического контакта по-разному взаимодействуют с концептуализацией объекта. Так, действие *(по)целовать* может быть направлено на всего человека или его часть или принадлежность, и, соответственно, прямым дополнением глагола *(по)целовать* может быть обозначение части или possessора; действие *обнять/обнимать* предпочтительно направлено на всего человека (ср. относительно редкие исключения *обнять за талию / за плечи*), а действия *(по)гладить* и *(по)хлопать* предполагают указание части тела:

погладить (Наташу) по голове, похлопать (Васю) по плечу, но не *погладить Наташу, *похлопать Васю.

Но это лишь примерная картина, которая нуждается в детализации.

При этом есть и общие закономерности соотношения моделей управления и концептуализации объекта при глаголах физического контакта. Конструкция с последовательным подчинением (вида *целовать ее руки, трогать его ботинки*) не предполагает профилирования объекта или possessора и может указывать на отчуждение части от possessора: *трогать его ботинки* можно и тогда, когда они не надеты и стоят отдельно от человека.

При конструкции с possessором в дательном падеже (вида *целовать ей руки, потрогать ему лоб*), possessор выступает в роли, в чем-то близкой роли адресата или бенефицианта действия, при этом отчуждение части от possessора невозможно⁶: валентность части по этой причине заполняется именами частей тела, но не одежды; ср. *трогать ему лоб* при странности *трогать ей платье*.

Когда possessор находится в роли прямого дополнения, действие направлено на него, а указание на непосредственный объект воспринимается как уточнение⁷: *целовать ее в щеку*.

⁶ Ср. анализ похожих примеров в (Апресян 2006) и семантические противопоставления между этими конструкциями: *прострелить его шляпу* (шляпа может быть отдельно от человека) vs. *прострелить ему шляпу* (шляпа на человеке).

⁷ При этом синтаксическое оформление соответствующего актанта мотивировано семантическими свойствами подчиняющего глагола (Апресян 1983, s. 7). Ср. диалоги из пьесы Е. Шварца «Голый король»: «И вообще он ведет себя неприлично. Он держит вас за руку! – Что же тут неприличного! Если бы он держал меня за ногу...»; «Что вы делаете, принцесса? Вы позволяете обнимать себя за талию. Это неприлично! – Что же тут неприличного? Если бы он обнимал меня за...»; «Ваше высочество, что вы делаете! Он вас собирается целовать в губы! Это неприлично! – Что же тут неприличного? Ведь в губы, а не...»

Однако эти общие закономерности различным образом преломляются для разных глаголов физического контакта. Ниже рассматриваются отдельные глаголы из нашего списка и предлагается объяснение их синтаксических свойств и предпочтений, исходя из их семантических и прагматических особенностей.

(По)гладить

Глагол *(по)гладить* обычно бывает направлен на живое существо, часто – ребенка или животное. Цель действия чаще всего заключается в том, чтобы выразить сочувствие или симпатию к объекту, иногда с оттенком статусного превосходства (так, взрослые гладят детей по голове, но не наоборот)⁸.

Направленность на неодушевленный предмет возможна лишь при расширенном употреблении, когда к предмету относятся как к живому существу:

- Она гладила рукопись ласково, как гладят любимую кошку, и поворачивала её в руках, оглядывая со всех сторон... [Михаил Булгаков]

Если действие *(по)гладить* направлено на человека, например, ребенка, то как уже говорилось, оно предполагает указание принадлежности или части тела: *погладить Y-а по Z-у*, *погладить Y-у Z*, *погладить Z Y-а*, но не **погладить Y-а* (где Y – человек, а Z – его принадлежность или часть тела). Это связано с тем, что для действия *погладить* не существует однозначно закрепленного протокола: хотя в качестве поощрения детей *гладят* чаще всего по *голове* (ср. выражение *по головке не погладят* ‘не похвалят, не поощрят’), возможно также *погладить по руке* <*по спине*, *по щеке*> и пр.

Конструкция *погладить Z Y-а* используется относительно редко, но не производит впечатление чего-то аномального. Ср.:

- Стеша еще раз улыбнулась и погладила Ленкины вихры. [НКРЯ⁹: А.И. Пантелеев. *Ленька Пантелеев* (1938–1952)]

При этом если объект – не слишком большое животное, то указание части тела излишне: *погладить собаку*, но не **погладить собаку по голове*, поскольку собаку обычно гладят по голове, шее и части спины. Впрочем, в некоторых, довольно редких случаях такое указание становится возможным:

⁸ В *Активном словаре* (Апресян 2014) М.Я. Гловинская толкует лексему *гладить* 2 следующим образом: A1 *гладит* A2 ‘Человек A1 проводит частью своего тела A3 по части тела A4 существа A2, часто в знак симпатии или сочувствия к A2’.

⁹ Национальный корпус русского языка.

- Но царь, опомнившись, вдруг заулыбался и, погладив пса по спине, ласково промолвил: – Ах, собачка. Какая милая собачка. [НКРЯ: А.С. Новиков-Прибой. *Цусима* (1932–1935)]

Если животное большое, то указание на часть тела или принадлежность становится возможным: ср.

погладить шею лошади, погладить лошадь по гриве, напр.: Ростов погладил лошадь по шее, потом по крупу... [Лев Толстой].

Но вполне возможно и просто *погладить лошадь*, *погладить оленя* и т. д., напр.:

- Он погладил кобылу, расправил редкую гривку и провел рукой по тощей спине с выдающимися ребрами. [НКРЯ: Василий Ян. *Чингиз-хан* (1939)]
- Ему хочется погладить оленя, приласкаться к старцу... [НКРЯ: Б.А. Садовской. *Пиеница и плевелы* (1936–1941) // «Новый Мир», 1993]
- Пойди погладь крокодила. [НКРЯ: Б.С. Житков. *Что я видел* (1937)]

При этом указанные конструкции используются в тех ситуациях, когда *(но)гладить* носит обсуждавшийся выше ритуально-семиотический характер – а именно, выражение симпатии или сочувствия.

Однако у глагола *(но)гладить* есть и другие употребления, соответствующие другим ситуациям реального мира. В частности, *(но)гладить* существо можно для того, чтобы вызвать приятное физическое ощущение (таким образом часто гладят животных, однако такое возможно и в отношении людей) – назовем такое употребление «гедонистическим»; ср.:

- Я видел её вспухшие от дыму и плача глаза, чувствовал, как холодные руки гладят мне лоб. [Михаил Булгаков]
- Он плакал, даже не стесняясь взрослых, и все гладил верному псу морду, прижимался к нему лицом. [НКРЯ: А.Ф. Членов. *Как Алешка жил на Севере* (1978)]
- Лидочка гладит пса по голове и за ушами. [НКРЯ: Татьяна Соломатина. *Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»* (2009)]
- Мама умела гладить мне спинку так, чтобы мне было хорошо, а папа просто гладил спинку, и спустя некоторое время его поглаживания начинали раздражать. [НКРЯ: Татьяна Соломатина. *Мой одесский язык* (2011)]

В подобных употреблениях глагол *(но)гладить* обычно употребляется в конструкции с дативом, который имеет бенефактивное значение. Это естественно: семантика глагола (доставление удовольствия) и семантика бенефактива (получение блага) совпадают. Объект, или Пациенс (он

же – реципиент удовольствия) выражается дательным падежом, а часть (Пациенс!) – винительным. Для «гедонического» (*по*)*гладить* характерно употребление в императиве, неестественное для «семиотического» (*по*)*гладить*: *Погладь мне спину <ноги>*, при странности *Погладь меня по голове*.

(По)хлопать и хлопнуть/хлопать¹⁰

Похлопать, как и *погладить* чаще всего используется в конструкции с уточнением вида *похлопать X-а по Y-у*. Это связано с тем что действие *похлопать*, как и *погладить*, не предполагает единого закрепленного протокола. Действие *похлопать* может иметь разные ритуально-семиотические цели и, соответственно, быть направленными на разные части тела. Основная цель *похлопать* – выражение дружеской симпатии или сочувствия, для чего обычно *хлопают по плечу* и реже по другим частям тела.

Соответственно, самым частым для употребления глагола *похлопать* в интересующем нас значении оказывается выражение *похлопать по плечу* (с обозначением лица в позиции прямого дополнения). Но изредка встречается употребление с обозначением других частей тела, напр.:

- Прищурил маленькие глазки, хозяйственно осмотрелся и, похлопав мальчика по колену, продолжал: – Вот что, мотыль, коли соберутся они тебя драть – сигаи ко мне! [НКРЯ: Максим Горький. *Жизнь Матвея Кожемякина* (1910)]
- ...любопытно было бы проснуться раним-рано и, после основательного бритья да сытного обеда, выйти в полосатой тюремной пижаме на холодный двор, похлопать солидного палача по животу, приветливо помахать на прощание всем собравшимся, поглазеть на побелевшие лица магистратуры... [НКРЯ: В.В. Набоков. *Король, дама, валет* (1927–1928)]
- Окончив работу, инженер радостно засмеялся, похлопал жену по толстой теплой спине и придвинул к себе коробочку с судаком. [НКРЯ: Илья Ильф, Евгений Петров. *Золотой теленок* (1931)]
- Она улыбнулась, похлопала мальчика по руке. [НКРЯ: А.И. Пантелеев. *Ленька Пантелеев* (1938–1952)]

¹⁰ В качестве имперфектива для обоих глаголов: и *похлопать*, и *хлопнуть* – используется глагол *хлопать*. Этот глагол используется почти исключительно в так называемых «тривиальных» видовых значениях, в частности – в позициях обязательной имперфективации, т. е. при обозначении многократных и узуальных действий, в настоящем историческом и др. (о понятии «тривиальных значений» несовершенного вида и понятии обязательной имперфективации см., напр. (Булыгина, Шмелев 1989, с. 31; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015, с. 55, 211)).

При этом в прочих лексических значениях глагол *хлопать* может иметь «нетривиальные» видовые значения, напр. актуально-длительное, процессное и др. (ср. *Зрители долго хлопали в ладоши*).

По отношению к животному соответствующие ритуально-семиотические действия практически не встречаются, и поэтому употребления, в которых рассматриваемое действие направлено на животное, чрезвычайно редки:

- Он ласково похлопал сильного рыжего мерина по заду. [НКРЯ: А.Н. Толстой. *Хождение по мукам/ Книга вторая. Восемнадцатый год* (1928)]

Сходным образом используется и близкий по значению глагол *хлопнуть*: самая частая конструкция *хлопнуть по плечу* с обозначением лица в позиции прямого дополнения, напр.:

- Он дружелюбно хлопнул по плечу черемиса, который в ответ молча улыбнулся ему широко, радостно и фамильярно. [НКРЯ: А.И. Куприн. *Поединок* (1905)]
- Некульев подал ему руку, хлопнул по плечу. [НКРЯ: Б.А. Пильняк. *Мать сыра-земля* (1924)]
- На стоянке подошел ко мне Федя Сырцов, хлопнул по плечу своей маленькой цепкой пятерней. [НКРЯ: А.П. Гайдар. *Школа* (1929)]
- Он полминуты молча смотрел на меня, а потом вдруг хлопнул по плечу. [НКРЯ: Ю.О. Домбровский. *Хранитель древностей*, часть 1 (1964)]

Реже встречается и употребление с обозначением других частей тела, напр.:

- ...Кудахтин, сказав: «Вот это здорово, брат!» – сильно хлопнул по спине Белогурова. [НКРЯ: С.Н. Сергеев-Ценский. *Лаванда* (1936)]
- Вот это ты точно говоришь, оторвались, – хлопнув по колену шофера из танковой бригады, сказал Золотарев. [НКРЯ: Константин Симонов. *Живые и мертвые* (1955–1959)]

Синтаксические особенности *похлопать* и *хлопнуть* связаны с тем, что оба действия, и *похлопать (по плечу)*, и *хлопнуть (по плечу)*, – чаще всего служат для выражения дружеской симпатии, т. е. имеют некоторый семиотический смысл, и направлены непосредственно на лицо. Семантическое различие между *похлопать* и *хлопнуть* вполне регулярно и вытекает из их принадлежности к различным способам действия. Оно заключается в следующем. *Похлопать* представляет собою делимитативный глагол и тем самым обозначает некоторую «порцию» единого процесса, предполагая серию легких ударов или прикосновений, концептуализуемых как единое действие. *Хлопнуть* представляет собою семельфактивный глагол и указывает на более интенсивный, хотя тоже легкий однократный удар.

Иной семиотический смысл содержится в действиях *похлопать по заднице* и *хлопнуть по заднице*. Чаще всего это грубое заигрывание. Ср.:

- Подходит к Марфе Посаднице
И как хлопнет ее по заднице!

Ср. также примеры из НКРЯ:

- – Кто вам сказал, – орет шеф на секретаршу, – что если я пару раз поцеловал вас и похлопал по заднице, это дает вам право манкировать служебными обязанностями и бить баклуши на работе? [*Коллекция анекдотов: секретарши* (1970–2000)]
- Он даже приобнял жену за плечи, пробовал утешить, хлопнув по заднице, что с ним случалось редко, и та от ласки залилась еще пуще. [Владимир Личутин. *Любостай* (1987)]
- Той или иной, допустим, связистке принародно, со всей силы – ладно, громко, весело – любил хлопнуть по заднице тяжелой своей шахтерской ладошкой герой-генерал. [Александр Мишарин. *Белый, белый день* // «Октябрь», 2003]

Еще одно употребление глаголов (*по*)*хлопать* и *хлопнуть/хлопать* имеет место, когда действие направлено на самого себя. Ср.: *похлопать себя по животу* (для демонстрации сытости или удовлетворенности); *хлопнуть себя по лбу* (внезапное вспоминание или осознание упущения)

Другие конструкции для глаголов (*по*)*хлопать* и *хлопнуть/хлопать*, обозначающих действие, направленное на человека, не характерны. В частности, практически не используются конструкции *похлопать / хлопнуть Y Z-а* и *похлопать / хлопнуть Z-у Y*: в норме неестественно ^{??}*похлопать / хлопнуть плечо Пети* и ^{??}*похлопать / хлопнуть Пете плечо*. Эти глаголы почти всегда используются в сочетании с указанием на непосредственный объект (часть тела) с предлогом *по*. Однако в некоторых ситуациях употребление с дативной конструкцией становится возможным. Это происходит в контекстах, где речь идет не о семиотическом физическом контакте, а о действии, имеющем целью добиться определенного физического эффекта. В таких случаях Пациенс может переосмыслиться как бенефициар действия. Ср., например, ситуацию, когда человек подавился и просить похлопать его по спине:

- Похлопай мне, пожалуйста, по спине.

Когда действие направлено на неодушевленный объект, соподчинение при глаголах (*по*)*хлопать* и *хлопнуть/хлопать*, как правило, недопустимо. Ср.: *хлопнул по столу*; *хлопнул по крышке стола*, но не **хлопнул стол по крышке* и тем более не **хлопнул столу крышку*. Оба запрета понятны: конструкция, предполагающая семиотическое осмысление действия (**похлопать стол по крышке*), как и конструкция, предполагающая его бенефактивное осмысление (**похлопать столу крышку*), одинаково неестественны с неодушевленным объектом.

В норме неодушевленный объект при этих глаголах вводится предлогом *по*. Редкие конструкции с прямым дополнением предполагают персонификацию неодушевленного объекта и какое-то личное отношение к нему. Ср.:

- Когда причалили к Клаусову боту, Цыбин похлопал бот рукою по обшивке: [НКРЯ: Е.И. Замятин. *Ёла* (1928)]

Приведем также диалог дворника Спиридона и оперуполномоченного Шикина из романа Солженицына *В круге первом*:

- После работы перекур у нас был, не без этого. Похлопали станочек.
 - Похлопали? Чем?
 - Ну, ладошкой так вот, по боку, как коня горячего.

Использование конструкции с прямым дополнением (*похлопали станок*) не создает ощущения чего-то аномального. Однако добавление указания на непосредственный объект привело бы к недопустимой конструкции (**похлопали станок по боку*), и Спиридону приходится добавлять сравнение с одушевленным посессором.

Обнять/обнимать, (по)держаться, (по)трогать

Когда эти глаголы направлены на одушевленный объект, характерной для них оказывается конструкция с обозначением посессора в качестве прямого дополнения и предлогом *за*, вводящим валентность принадлежности или части тела): *потрогать соседа за плечо; обнять девушку за талию; обнять приятеля за плечи; держать ребенка за руку*. Ср. несколько примеров из НКРЯ:

- Люблю я своего батьку, – сказал Андрей Андреич и потрогал отца за плечо. [А.П. Чехов. *Невеста* (1903)]
- Как это? – трогая Сергея за рукав, пробормотал Шегалов. [А.П. Гайдар. *Военная тайна* (1934)]
- Клебер обнимает Бонапарта за талию [Ю.К. Олеша. *Книга прощания* (1930–1959)]
- Когда мы проходили в столовую, он обнял Катю за плечи, и она чуть заметно отстранилась. [Вениамин Каверин. *Два капитана* (1938–1944)]
- Толстая женщина, хозяйка замка, крепко держала мальчика за воротник шубейки... [А.И. Пантелеев. *Ленька Пантелеев* (1938–1952)]
- Сегодня идет утром африканец на соревнования, подержал меня за руку и пальцем показывает в небо. [Николай Роганов. *Специальный репортаж. По деревне с батушкой. Отец Григорий благословил сборную России и пожалел швейцарскую буренку* // «Советский спорт», 2004.08.17]

Ср. также начальные строки частушки:

- Меня милый провожал,
Все рукой за грудь держал...

Все три глагола указывают на непрерывный контакт, в противоположность глаголам типа *бить* или *хлопать*, которые указывают на однократный короткий контакт или серию кратких контактов. С этим связано различие в выражении валентности части: *по* тяготеет к выражению короткого, прерывистого или легко прекращающегося контакта (ср. *щелкнуть по носу, долбануть по башке*), в то время как *за* указывает на более длительный и «прочный» контакт (ср. *ухватиться за ветку, держаться за перекладину*).

Однако в целом семантические и синтаксические свойства рассматриваемых глаголов не тождественны.

Так, для *обнять/обнимать* более частотны конструкции, в которых указывается только человек, на которого направлено действие, а часть тела вообще не упоминается, что связано с особенностями действия *обнимать*: оно подразумевает, что субъект обхватывает рукой туловище объекта. Впрочем, иногда встречаются конструкции с упоминанием части тела и соподчинением, напр.:

- Мне вдруг стало жаль мамы, так жаль, я обняла её голову, сжала руками и не могу выпустить. [Чехов]
- Я стал на колени, обнял её ноги, целуя их сквозь юбку и плача. [Бунин]
- Дочь, вся сотрясаясь, опустилась на колени, обняла ноги отца, прижалась пылавшей щекой к его новым, начищенным ботфортам со шпорами. [НКРЯ: В.Я. Шишков. *Емельян Пугачев*. Книга вторая. Ч. 1–2 (1939–1945)]

Однако конструкция с дативом для глагола *обнимать* невозможна, поскольку она, во-первых, профилирует часть тела (валентность, которая у *обнять* практически инкорпорирована), во-вторых, требует прагматически убедительного осмысления объекта как бенефициара действия, что противоречит семантике глагола; ср. невозможность **Обними мне талию*.

Для глагола (*по*)*трогать* конструкция с соподчинением встречается не так редко, напр.:

- Кухарка Марьюшка трогает его мокрый носик, жалостливо так смотрит и дает куриную лапку... [НКРЯ: И.С. Шмелев. *Лето Господне* (1927–1944)]
- Петр Антоныч даже лоб мой потрогал, чтобы убедиться, нет ли у меня жару... [НКРЯ: К.С. Петров-Водкин. *Моя повесть*. Часть 1. Хлыновск (1930)]
- ...часто приходилось называть его по имени и отчеству и трогать его руку, чтобы он очнулся от каких-то угнетающих мыслей, чтобы получить от него нужный ответ. [Николай Варенцов. *Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое* (1930–1935)]

Это объяснимо, т. к. *потрогать* никак не ограничивает часть тела, на которую направлено действие, поэтому уточнение вполне естественно. При этом если в качестве непосредственного объекта выступает не часть тела, а предмет, принадлежащий посессору, то конструкция с соподчинением не предполагает, что действие направлено на посессора; оно вообще может быть совершено в его отсутствие, напр.:

- – Кто тебя просил трогать мои вещи? – сказал вошедший в комнату Володя, заметив расстройство, произведённое мною в симметрии разнообразных украшений его столика. [Лев Толстой]
- Мама была очень тронута, что я не позволила никому трогать ее письменный стол. [НКРЯ: О.А. Бессарабова. *Дневник* (1919)]

Кроме того, для глагола (*но*)*трогать* возможна конструкция с обозначением посессора в дательном падеже и части тела в аккумулятиве, напр.:

- Чьи прохладно-ласковые пальцы
- В темноте мне трогают виски? [Максимилиан Волошин]

Дативная конструкция возможна, поскольку (*но*)*трогать* не специфицирует часть тела, что позволяет ее уточнять и профилировать, а кроме того, в некоторых ситуациях прикосновение может быть осмыслено как бенефактивное действие, направленное на облегчение боли (как в примере выше) или же на оценку температуры (трогают лоб, чтобы понять, есть ли жар):

- Потрогай ему голову.
- Бабушка поднимает ее, сидит над ней всю ночь, поминутно наклоняется, прислушивается к ее дыханию, трогает ей лоб, что-то тихо шепчет. [Анаит Григорян. *После дождя* // «Волга», 2015]

Для глагола (*но*)*держать* тоже возможна конструкция с обозначением посессора в дательном падеже и части тела в аккумулятиве, напр.:

- Шарко попросил меня подержать больному руки, а сам стал выслушивать ему грудь. [НКРЯ: Н.А. Тучкова-Огарева. *Воспоминания* (1890)]

Это опять-таки связано с возможностью осмысления действия как бенефактивного, особенно если оно направлено на неодушевленный объект: *Подержи мне фонарь*.

Конструкция с соподчинением тоже встречается, напр.:

- Чем больше успокаивался Костя, чем крепче он держал мамину руку, тем сильнее была и радость. [НКРЯ: З.Н. Гиппиус. *Месть* (1896)]
- ...он долго держал его руку в своей... [НКРЯ: Л.М. Леонов. *Вор*. Части 1–2 (1927)]

- Он разжал свои пальцы, как клешни державшие руку девушки. [НКРЯ: М.С. Шагинян. *Месс-Менд, или Янки в Петрограде* (1923–1924)]

При этом действует та же закономерность, что и для глагола *(по)трогать*: если в качестве непосредственного объекта выступает не часть тела, а предмет, принадлежащий посессору, то конструкция с соподчинением не предполагает, что действие направлено на посессора (*Жора, поддержи мой макинтош!*). Ср.:

- Цак дает мне поддержать свой ледоруб... [НКРЯ: Михаил Ромм. *Штурм Пика Сталина* (1933–1937)]

Когда действие полностью направлено на неодушевленный объект, конструкция с последовательным подчинением возможна для всех рассматриваемых глаголов: *обнять/обнимать ствол березы; (по)трогать крышку чайника; (по)держатъ ручку двери*. Конструкции с соподчинением не характерны для *обнять/обнимать* (**обнимать березу за ствол*) и для глагола *(по)трогать* (**потрогать дверь за ручку*), но вполне возможны для глагола *держатъ*. Ср. несколько примеров из НКРЯ:

- Сидит на нарах, держа мешочек за шнурочек, им помахивает, как дьякон кадилом... [С.Т. Григорьев. *Казарма* (1925)]
- стоял, держа гитару за конец грифа [Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина*. Часть 1 (1925)]
- ...держал графин за горлышко и, встряхивая его коленом, прислушивался, как булькает вода. [Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина*. Часть 3 (1928)]
- держали весла за рукоятку [Б.С. Житков. *Черные паруса* (1930)]
- – Лошадка славная, – сказал токарь, держа игрушку за гриву. [К.К. Вагинов. *Гарпагониада* (1934)]
- Он плотно держал дверь за ручку. [Б.С. Житков. *Механик Салерно* (1935)]
- Одной рукой альпинист держит ледоруб за головку, другой – за рукоятку около штычка. [Л. Гутман и др. *Техника альпинизма* (1939)]

Примеры, разумеется, можно было бы умножить.

Бить, ударить/ударять

Среди значений глагола *бить*, выделенных в *Активном словаре* (Апресян 2014), к интересующим нас значениям могут быть отнесены *бить 1.1* (с неодушевленным объектом) и *бить 2* (с одушевленным объектом). Эти значения различаются прежде всего набором валентностей, а именно – для *бить 2* выделяются различные валентности для Пациенса (живого существа) и Пациенса! (части тела этого существа), а для *бить 1.1* различие этих

валентностей не имеет места. Приведем словарные толкования рассматриваемых значений¹¹. Для *бить 1.1*: «А1 бьет предметом А3 по А2: Человек А1 резким и сильным движением многократно ударяет частью тела или объектом А3 по объекту А2 так, что при соприкосновении А3 и А2 иногда возникает звук». Для *бить 2*: «А1 бьет А2 по А3 за А5: Резким и сильным движением многократно ударяют существо А2 по части тела А3 или объектом или частью тела А4 так, чтобы причинить А2 боль или нанести А2 физический ущерб, иногда в наказание за поступок А5».

Поясним эти толкования. Во-первых, хотя в отдельных видо-временных формах (в настоящем историческом и узуальном значении НЕСОВ, а также в форме императива) *бить* может обозначать однократное или не специфицированное в отношении кратности действие (ср. *И тут он бьет кулаком по столу; Я ее никогда не бил; Если что не так – бей в рожу*), подавляющее большинство употреблений на оба значения указывают на многократно повторяемое действие¹².

Кроме того, *бьют*, как правило, с намерением причинить боль. В текстах встречаются единичные примеры употребления *бить* как синонима *ударять* (*ударять* не предполагает непременно желания причинить боль); ср. пример из рассказа Солженицына *Случай на станции Кочетовка*:

- В огромной жестоковатой мужской толчее сорок первого года его уже раз-другой поднимали на пересмех, когда он вслух рассказывал, что любит жену и думает быть ей всю войну верен и за неё тоже вполне ручается. Хорошие ребята, подельчивые друзья хохотали дружно, как-то дико, били его по плечу и советовали не теряться.

Однако во всех случайно выбранных из корпуса примерах на *бить 2* речь шла о действии, целью которого является причинение боли – и в этом главное противопоставление между *бить* и *ударять*. Именно с этим свойством *бить* связана частая реализация валентности объекта дативной конструкцией: семантика *бить* (причинение вреда) коррелирует с семантикой конструкции (в данной случае, малефактивной): *бить кому-л. морду; бить кому-л. в поддых* и т.д. В тех редких контекстах, где *бьют* с другими целями – например, семиотически (*Он бьет меня по плечу*) используются другие конструкции – характерные для семиотических действий типа *хлопать (по плечу), гладить (по голове)*.

¹¹ Принадлежащие В.Ю. Апресян.

¹² Из 50 случайно выбранных примеров из НКРЯ, в 34 примерах представлено значение *бить 2 (кого-л.)* и только в двух из них действие явно однократно (*бить кого-л. в морду*), а в четырех неясно, идет ли речь об однократном или многократном действии. 28 примеров однозначно указывают на многократное действие.

Способы оформления валентности неодушевленного объекта и валентности непосредственного объекта (части тела) при одушевленном объекте сходны для глаголов *бить* и *ударить/ударять*; при этом выбор способа оформления: *по* с дательным падежом (*ударить кулаком по столу; ударить кулаком по морде*) и *в* с винительным падежом (*ударить кулаком в дверь; ударить кулаком в морду*) – семантически мотивирован. При этом одна из конструкций – с дательным падежом посессора и словом *морда* в винительном падеже – используется только при глаголе *бить*; для пары *ударить/ударять* она не характерна, что связано с необязательностью идеи причинения боли у *ударять*. Однако бенефактивное осмысление действия дает возможность употребления датива: *Ударь мне по спине, у меня кость в горле застряла*.

(По)целовать

Глагол *(по)целовать* отличается самым большим разнообразием моделей управления. Как уже отмечалось выше, он допускает выражение валентности непосредственного объекта аккузативом при обозначении посессора притяжательным местоимением или генитивом (*целовать ее руки, целовать руки жены*), устаревающий способ выражения валентности непосредственного объекта аккузативом при обозначении посессора предложно-падежной группой $y+N_{Gen}$ (*целовать у нее руки*), вынесение посессора в дативную конструкцию, с выражением непосредственного объекта аккузативом (*целовать ей руки*) и обозначение посессора аккузативом при факультативном выражении непосредственного объекта: *целовать ее (в губы)*.

Модель *целовать X-а в Y* предпочтительна с обозначениями следующих частей тела в роли Y: части лица и головы (*губы, щеки, нос, рот, лоб, уши, макушка*); части туловища (*спина, живот, шея*); голова (*целовать в голову*). Она невозможна или нетипична для обозначений конечностей: ^{??}*целовать в руки/в ноги/в пальцы*; при этом возможно *целовать в ладонь*. Напротив, для дативной конструкции характерна сочетаемость с обозначениями конечностей (*целовать X-у руки / ноги / пальцы*), относительно редко встречаются сочетания с обозначениями предметов обуви или одежды и невозможна или нетипична сочетаемость с обозначениями других частей тела: ^{??}*целовать ей живот / нос / губы / щеки*. Конструкция с посессивом или генитивом нейтральна в этом отношении и позволяет, кроме того, заполнение обозначениями предметов обуви и одежды (*целовать ее туфли; целовать туфли жены*).

Представляется, что различная лексическая наполняемость разных моделей управления при *целовать* обусловлена когнитивными различиями

между частью человека и принадлежностью человека. Голова и туловище непосредственно относятся к телу; они, как и их части, – это части самого человека. Руки и ноги воспринимаются как принадлежность человека. Когда мы целуем часть человека, это концептуализуется как целование человека, а указание на часть может стать факультативным. Когда мы целуем принадлежность человека, это концептуализуется именно как целование принадлежности, а если это семиотический акт (как целование рук или туфли), то посессор становится адресатом данного семиотического акта и, соответственно, маркируется дативом. Как импликатура появляется противопоставление теплых чувств и этикета: целуя человека, мы выражаем теплые чувства по отношению к нему, а целуя принадлежность человека, совершаем этикетное действие. Как всякая импликатура, эта импликатура может подавляться; ср. *Он равнодушно поцеловал ее в губы vs. Он страстно целовал ей руки*. Кроме того, даже ритуальные поцелуи, направленные на части тела, которые воспринимаются как часть человека, описываются конструкцией с *в*: *поцеловать покойника в лоб*.

Когнитивный диссонанс, который возникает при заполнении конструкции нетипичным для нее образом, может использоваться в литературе для создания художественного эффекта; ср. *Целует бабушке в гостиной руку и губы мне на лестнице крутой* (Анна Ахматова)¹³.

Различие между дативной конструкцией и конструкцией с последовательным подчинением особенно ярко видно, когда непосредственным объектом поцелуев оказывается предмет одежды или обуви. В случае дативной конструкции предполагается семиотический акт, который не может осуществляться в отсутствие посессора. Ср. примеры из НКРЯ:

- Жребий пал на одного провиантского комиссара (Строгоста?), который был посажен на троне, и все должны были целовать ему туфлю. [Н.И. Костомаров. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*. Выпуск шестой: XVIII столетие (1862–1875)]
- Она тут плакала, поцеловала мне брюки... и руку, вот эту... [Максим Горький. *Дети солнца (сцены)* (1905)]

Ясно, что и туфля, и брюки были надеты на посессоре в момент целования.

Напротив того, конструкция с соподчинением не предполагает присутствия посессора в момент целования. Если бы было сказано *целовать его туфлю, поцеловала мои брюки*, посессор мог при этом не присутствовать при акте целования (ср. цитированный выше пример Ю.Д. Апресяна с простреленной шляпой).

¹³ Ср. (Апресян 1983: 7).

Выводы

Наше исследование показывает, что разные глаголы физического контакта различаются, в первую очередь, с точки зрения обязательности выражения валентности части. Те глаголы, которые предполагают наименьшую специфицированность действия относительно направленности на ту или иную часть тела пациента, как правило, требуют выражения этой валентности: у *гладить*, *хлопать* применительно к человеку нужно указать часть тела; странно ?*Я его погладил <похлопал>*. Поскольку для небольших животных действие *погладить* обычно направлено на голову и спину, применительно к животным указывать часть тела часто излишне: *погладить собаку*. С другой стороны, те глаголы, которые, в силу конвенции, предполагают высокую спецификацию и однозначно фиксируют направление действия (например, *обнять*), как правило, употребляются без уточнения части тела: *Он обнял ее*. Часть тела указывается при менее стандартных видах объятий, обычно производимых одной рукой (*обнять за плечи*, *обнять за талию*), либо применительно к нестандартной части тела (*Он обнимал ее ноги*). Есть глаголы с промежуточной степенью конвенционализированности, такие как *целовать*, которые одинаково свободно допускают оба вида употреблений. *Он ее поцеловал* скорее предполагает, что он поцеловал ее губы или щеку (а не нос, лоб, руки или ноги). При этом поцеловать можно любую часть тела, поэтому если требуется уточнение, то указание части тела (любой степени конвенциональности) вводится совершенно свободно.

Второй вывод касается способов выражения валентностей пациента и части тела. У каждого глагола есть предпочтительная модель управления, мотивированная его семантикой и прагматикой. Как сказано выше, для некоторых глаголов выражение валентности части нежелательно или необязательно, а для некоторых желательно. Выбор способа выражения зависит, в частности, от длительности контакта: модель управления с *по* коррелирует с более коротким, слабым или прерывистым контактом (*гладить по голове*), модель с *за* – с более длительным, сильным или непрерывным (*держат за руку*). Модель управления с *в* предполагает короткий точечный контакт разной силы (*поцеловать в нос*, *ударить в ухо*). Что касается модели управления с дательным падежом пациента и винительным части (*целовать*, *гладить*, *трогать*, *бить кому-л. что-л.*), то ее применимость определяется возможностью интерпретировать действие как направленное на доставление удовольствия, пользы или ущерба объекту.

Библиография

- Аpresjan, Ju. D. (1967). *Ėksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola*. Moskva: Nauka.
- Аpresjan, Ju. D. (1974). *Leksičeskaja semantika (sinonimičeskie sredstva jazyka)*. Moskva: Nauka.
- Аpresjan, Ju. D. (1983). Sintaksičeskie sredstva vyraženiya posessivnosti. V: Vjač. Vs. Ivanov, T.N. Mološnaja, T.M. Nikolaeva (red.), *Kategorija pritižatel'nosti (4–9)*. Moskva: Institut slavjanovedeniya i balkanistiki AN SSSR.
- Аpresjan, Ju. D. (1995). *Izbrannye trudy. Tom 2. Integral'noe opisaniye jazyka i sistemnaja leksikografija*. Moskva: Škola «Jazyki russkoj kul'tury».
- Аpresjan, Ju. D. (2010). Trexurovnevaja teorija upravleniya: leksikografičeskij aspekt. V: Ju. D. Аpresjan (red.), *Teoretičeskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodejstviye grammatiki i slovarja (281–377)*. Moskva: «Jazyki slavjanskix kul'tur».
- Аpresjan, Ju. D. (red.). (2014). *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka*, t. 1, t. 2. Moskva: «Jazyki slavjanskoj kul'tury».
- Аpresjan, Ju. D. (ruk.), Аpresjan, V. Ju., Galaktionova I. V., Iomdin B.L., (red.) (2017). *Aktivnyj slovar' russkogo jazyka*, t. 3. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2017.
- Bulygina, T.V., Šmelev A.D. (1989). Mental'nye predikaty v aspekte aspektologii. V: N.D. Arutjunova (red.), *Logičeskij analiz jazyka. Problemy intensional'nyx i pragmatičeskix kontekstov (31–54)*. Moskva: Nauka.
- Goldberg, A. (1995). *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goldberg, A. (2006). *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford University Press.
- Nomachi, M. (2020). *How do Russians verbalize the art of kissing? An appendix to Jurij D. Аpresjan's analysis of the verb celovat' 'to kiss'*. Moscow. (In print)
- Zaliznjak A.A., Mikaëljan, I. L., Šmelev, A. D. (2015). *Russkaja aspektologija: V zaščitu vidovoj pary*. Moskva: «Jazyki slavjanskoj kul'tury».

АБСТРАКТ: Работа посвящена корпусному исследованию семантических сдвигов, которые возникают при различном выражении валентности посессора и части у глаголов физического контакта *целовать*, *обнимать*, *гладить* и др. Они позволяют разные модели управления: выражение валентности посессора аккумулятивом при факультативном выражении части (*целовать ее (в губы)*, *гладить ребенка (по голове)*), валентности части аккумулятивом при выражении валентности посессора притяжательным местоимением или генитивом (*целовать ее руки*, *целовать руки жены*), а также вынесение посессора в дативную конструкцию, с выражением части аккумулятивом (*целовать ей руки*, *гладить ей спину*). Наши общие наблюдения уточняют выводы предыдущих работ в этой области исследований, дают

объяснение частотной дистрибуции названий частей тела по разным конструкциям, а также предпочтительным синтаксическим способам выражения семантических актантов у глаголов, описывают художественный эффект использования слов в несвойственных им конструкциях в литературных текстах.

CZASOWNIKI KONTAKTU FIZYCZNEGO: MODELE REKCYJNE I SEMANTYCZNE ZMIANY

ABSTRAKT: Artykuł poświęcony jest korpusowym badaniom zmian semantycznych, które powstają przy wyrażaniu przez czasowniki kontaktu fizycznego, typu: *całować, obejmować, gładzić* walencji possesora (posiadacza) i części ciała. Reprezentują one różne modele rekcyjne: wyrażanie biernikiem walencji possesora przy fakultatywnym wyrażeniu części (*całować ją (w usta), głaskać dziecko (po główce)*), walencji części formą biernika przy jednoczesnym wyrażeniu possesora przez zaimek dzierżawczy lub przez dopełniacz (*całować jej ręce/ ręce żony*), a także użycie formy celownika dla possesora, a biernika dla wyrażenia części (*całować matce ręce, głaskać jej/ żonie plecy*).

Nasze ogólne spostrzeżenia uszczegóławiają wnioski z poprzednich prac z tego zakresu badań, wyjaśniają rozkład częstotliwości występowania omawianych konstrukcji z nazwami części ciała oraz preferowanych przez czasowniki syntaktycznych sposobów wyrażania semantycznych aktantów. Opisują także artystyczny efekt użycia omawianych wyrażen w nietypowych konstrukcjach w tekstach literackich.